

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.8

Л. Д. Широкопад

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ НА РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В СССР В 1920–1930-е ГОДЫ

Экономическая теория, как бы ее ни называть — политическая экономия, экономика или как-то еще — тесно связана с идеологией. Ведь идеология отражает потребность в ценностной ориентации личности, в социальном идеале. Ученый не может быть лишен этой потребности: она формируется всей системой его воспитания и образования, той средой, в которой он живет. Острота, полемичность, страстность, яркость многих произведений классиков экономической науки связана с их участием в идеологической борьбе, с защитой ими определенных идеологических позиций. Но именно это обстоятельство, с другой стороны, мешает экономической теории стать объективной, т. е. независимой от воли и сознания людей.

Особенно тяжелыми последствиями чревата ситуация, когда определенная идеология приобретает официальный статус, т. е. статус государственной идеологии. Обычно это можно наблюдать в обществах, где государство играет решающую роль в принятии важнейших решений.

Как известно, государство на протяжении всего исторического пути развития России, за редким исключением, оказывало определяющее воздействие на судьбы страны. Оно не находилось под контролем слишком слабого гражданского общества и потому часто действовало прежде всего в интересах самосохранения, защищая интересы властных структур и тех социальных слоев, которые по своему объективному положению в обществе могли рассматриваться как их наиболее надежная опора.

Эта особенность, будучи исторически обусловленной, во многих случаях оказывала негативное воздействие на развитие общественных наук, в том числе и политической экономии. Это проявилось уже на начальной стадии развития университетской политэкономии в России. Например, после рассмотрения «университетского дела» в 1821 г. и последовавшего разгрома Санкт-Петербургского университета преподавание политэкономии перешло из рук европейски образованного М. А. Балугьянского и его ученика

Леонид Дмитриевич ШИРОКОПАД — заслуженный деятель науки РФ, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории СПбГУ. В 1961 г. окончил Экономический факультет ЛГУ. В 1965 г. защитил кандидатскую, в 1981 — докторскую диссертации. Сфера научных интересов — история экономической мысли, методологические проблемы экономической теории. Автор более 100 научных работ, в том числе трех монографий.

© Л. Д. Широкопад, 2010

М. Г. Плисова к литераторам — Н. И. Бутырскому и позднее А. Н. Никитенко. Давление государства сохранилось и в начале XX в., хотя и проявлялось в более изощренной форме. Так, один из крупнейших русских экономистов того времени М. И. Туган-Барановский, на учебнике которого училась вся Россия и который был хорошо известен в Европе, в 1911 г. вынужден был покинуть Санкт-Петербургский университет, поскольку не был утвержден профессором по кафедре политической экономии и статистики.

Никогда, однако, государственная идеология не внедрялась в науку столь властно и бесцеремонно и со столь разрушительными последствиями для нее, как в советский период, особенно в 1920-е — первой половине 1950-х годов. В первые послереволюционные годы многие ученые погибли, другие эмигрировали, не желая сотрудничать с новыми властями или опасаясь репрессий (в частности, П. Б. Струве, А. А. Чупров, А. Д. Билимович, М. В. Бернацкий, В. С. Войтинский, П. Н. Савицкий, Г. К. Гинс, А. И. Каминка, В. А. Косинский, С. О. Загорский и др.). Юридические факультеты университетов, в рамках которых в дореволюционный период существовали кафедры политической экономии и статистики, были упразднены еще в 1918 г. Факультеты общественных наук (ФОНы) с их экономическими отделениями, возникшие в 1919–1920 гг., не имели и следов той свободы и автономии, которая временами существовала даже в императорских университетах. Они оказались под полным контролем государства, теперь уже большевистского. Преподавание всех общественных наук, в том числе и политической экономии, загонялось здесь в прокрустово ложе марксизма. Вся немарксистская политэкономия постепенно вытеснялась из университетов. В научной литературе развернулась острая борьба по вопросу о том, чья интерпретация марксизма является истинной.

Вынужденный переход от системы военного коммунизма к НЭПу в 1921 г. привел к весьма существенной либерализации в сфере политики и идеологии. Это выразилось, в частности, в появлении ряда оппозиционных журналов, в том числе экономических. Наиболее серьезным из них был петроградский журнал «Экономист», выходивший в первой половине 1922 г. и печатавший статьи ведущих русских экономистов, еще оставшихся в стране и критически относившихся к советской власти и ее экономической политике. «Светлый промежуток терпимости» (по выражению одного из редакторов указанного журнала Б. Д. Бруцкуса) оказался, однако, весьма непродолжительным. Большевики очень быстро поняли, что одержать победу в свободном и честном соревновании идей не так-то просто. Еще весной 1922 г. на XI съезде РКП(б) речь шла о том, чтобы противопоставить «идеологическому наступлению буржуазии» всемерное расширение и углубление агитационно-пропагандистской работы партии. Но уже летом этого года стало ясно, что чисто политическими методами эту проблему решить нельзя. На XII Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в начале августа 1922 г., речь шла уже о применении репрессий против «буржуазных идеологов». Вскоре после этой партконференции 161 ученый и литератор — среди них много видных экономистов (в том числе Б. Д. Бруцкус, А. В. Пешехонов, С. Н. Булгаков, А. А. Югов и др.), были арестованы и высланы в Германию на знаменитом «философском пароходе». Это было еще одно обескровливание экономической науки.

В условиях НЭПа, когда все более обострялась борьба за власть в руководстве ВКП(б), все же существовала объективная возможность для дискуссий по вопросам марксистской теории, а также по актуальным вопросам экономического развития страны, хотя идеологические границы для проведения такого рода дискуссий были весьма узкими.

В 1920-е годы в университетах продолжали работать в основном лояльно относившиеся к властям экономисты. Однако вскоре лояльность становится все более

недостаточной. Марксизм постепенно утверждается в качестве государственной идеологии, отступление от которой допускалось все в меньшей степени. При этом лишь государство и его идеологические органы вправе были решать, какая интерпретация марксизма является истинной. Всякие отступления от этого идеологического стандарта рассматривались как ревизия марксизма и все более жестоко преследовались. Это вынуждало многих выдающихся экономистов (например В. М. Штейн, Е. Е. Слуцкий и др.) прекращать исследования в области экономической теории и переходить к изучению более отдаленных от идеологии проблем экономической науки или даже вообще покидать эту сферу научной деятельности.

В середине 1920-х годов факультеты общественных наук в университетах были упразднены. Профессора и студенты Экономического отделения ФОНа Ленинградского университета были переведены в основном на Экономический факультет Политехнического института. Это еще в большей степени суживало возможности для развития экономической теории.

В начале 1930-х годов было выдвинуто требование «ввинтить науку в производство». Это означало окончательное изгнание экономической теории из Университета. Правда, здесь остается общеуниверситетская кафедра политической экономии, но она выполняла чисто идеологические функции и была чрезвычайно слаба в кадровом отношении.

С конца 1920-х годов, когда И. В. Сталин одержал окончательную победу в борьбе с внутрипартийной оппозицией и развил бурную деятельность, направленную на укрепление своей личной власти, возможности для развития политической экономии стали значительно сужаться. Все более широкие круги видных советских экономистов оказывались жертвами обвинений идеологического характера, за которыми обычно следовали репрессии. Выступление И. В. Сталина на Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. положило начало преследованию таких крупных ученых, как Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров и др. Уже через несколько дней после завершения работы съезда начались аресты этих экономистов. Написанная, как отмечал в 1933 г. А. И. Пашков, «под непосредственным руководством т. Сталина» статья В. П. Милютин и Б. С. Борилина «К разногласиям в политической экономии», опубликованная в начале 1930 г. в журналах «Большевик» и «Проблемы экономики», послужила сигналом для разнузданной, беспартийной критики почти всех участников общеметодологической дискуссии 1920-х годов. В результате крупнейшие советские марксологи — Д. Б. Рязанов, И. И. Рубин, Г. А. Деборин, С. А. Бессонов, И. А. Давыдов, А. Сагацкий, С. С. Шабс и другие были ошельмованы. Большинство из них были репрессированы. Это надолго подорвало возможность творческого развития в СССР даже марксистского экономического учения.

Основной удар И. В. Сталина был направлен против «любимца партии» (В. И. Ленин) и главного ее идеолога во второй половине 1920-х годов Н. И. Бухарина, за которым стояла целая школа марксистских теоретиков, в том числе и экономистов. Дискредитация Е. А. Преображенского, А. А. Богданова и других крупнейших экономистов-теоретиков началась еще в 1920-е годы и со все большим размахом продолжалась в 1930-е годы.

Крутой сдвиг влево оси политической и идеологической жизни страны на рубеже 1920–1930-х годов не мог не отразиться и на целевых установках и организации высшего образования. В начале 1930-х годов усиленно насаждался лозунг «Науку надо до конца ввинтить в производство». Соответственно университеты с их ориентацией на развитие фундаментальных научных исследований, зачастую не дающих немедленной практической отдачи, были объявлены ненужными универсальными мастерскими, где

выделяются бесполезные, но очень дорогие «игрушки». Особенно малополезными «игрушками» представлялись гуманитарные факультеты. В мае 1930 г. впервые в стране именно в Ленинградском университете были ликвидированы все гуманитарные факультеты. «Ленинградский государственный университет представляет собою естественно-научный, физико-математический и химический комбинат», — с гордостью писал в конце 1931 г. его директор Ю. Н. Никич.

В 1930-е годы произошли серьезные изменения и в организации академической экономической науки. В феврале 1936 г. было принято решение об образовании Института экономики АН СССР на основе существовавших ранее в системе Коммунистической академии четырех институтов — Института экономики в Москве, Экономического института в Ленинграде, а также двух Аграрных институтов — в Москве и Ленинграде. Это, конечно, сузило базу для научных экономических исследований.

В 1930-е годы был закрыт ряд интересных теоретических журналов, в частности ленинградские журналы «Проблемы марксизма» и «Записки Научного общества марксистов», московский журнал «ИКП» и др. Теоретические журналы, издававшиеся в этот период, были крайне идеологизированы, переполнены обвинительными и разоблачительными статьями. Их теоретический уровень все более понижался.

Периодические «чистки» рядов советских экономистов самым непосредственным образом отражались на работе редколлегии основного теоретико-экономического журнала страны «Проблемы экономики». Журнал этот стал издаваться в 1929 г. Но уже в конце 1930 г. из редколлегии выводятся 8 человек из 11, в том числе Л. Крицман, А. Кон, С. Бессонов, А. Леонтьев, А. Мендельсон. В 1932 г. из 11 в основном новых членов редколлегии выводятся 9, в том числе ответственный редактор В. П. Милютин, а также Б. С. Борилин. Ответственным редактором становится К. С. Бутаев, много сделавший для «обоснования» вывода о том, что «закон движения переходной экономики... формируется... диктатурой пролетариата». Это была чисто волюнтаристская концепция, из которой вытекало, что политическая *воля пролетарского государства способна творить экономические законы*. Интересно, что в то же время в Германии «идеологи национал-социализма провозгласили примат воли и политики, по отношению к которым общественные науки являлись подчиненными во всех отношениях».

В 1935 г. редколлегия «Проблем экономики» вновь обновляется примерно наполовину. Бутаева на посту ответственного редактора сменяет Г. И. Крумин. Однако и он смог удержаться на этой должности примерно два года. Так же как и его предшественники Милютин и Бутаев, Крумин стал жертвой сталинских репрессий. Очередной ответственный редактор «Проблем экономики» Б. Маркус в 1941 г. подвергся грубым нападкам политического характера в связи с публикацией в журнале статьи М. И. Кубанина «Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США».

Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что в 1930-е годы в советской экономической науке утверждается тяжелая, губительная обстановка: «критика» становится все более разнузданной и грубой, крупные ученые подвергаются преследованиям и травле, усилия экономистов направляются на поиск «врагов» и «вредителей» в своей же среде.

В такой обстановке оставшиеся теоретики-экономисты просто боялись писать, а если писали, то, перестраховываясь, переполняли свои статьи цитатами из работ Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. В 1937 г. Институт экономики не выпустил ни одной научной работы, даже брошюры, хотя в план его работы были включены 137 названий, что отражало углубление кризиса академической экономической науки. План научной работы Института экономики на 1938 г. дважды отклонялся Президиумом АН СССР. В конечном счете

он был принят лишь в сентябре 1938 г., да и то с оговорками. Но и он не был выполнен, так как Институт в 1938 г. смог выпустить лишь две скромные книги.

Бесконечные нелепые эксперименты, а также постоянные репрессии нанесли смертельный удар по экономической науке в советских университетах. Существовавшие в них в 1930-е годы общеуниверситетские кафедры политической экономии и теории советского хозяйства выполняли в основном идеологические функции, часто ими руководили случайные люди, велика была текучесть кадров, квалификация преподавателей в целом была очень низкой. Воспроизводство профессорско-преподавательских кадров было почти полностью заблокировано.

Страшную деградацию экономического образования в стране официально объясняли деятельностью «вредителей». Все руководство Всесоюзного комитета по делам высшей школы во главе с его председателем И. И. Межлауком и первым заместителем Ш. М. Дволайцким (известным экономистом), назначенное совсем недавно, в июне 1936 г., а также директора многих вузов страны, в том числе и директор Ленинградского университета М. С. Лазуркин, были сняты с работы во второй половине 1937 г., а позже — репрессированы.

В действительности кризис в системе преподавания социально-экономических дисциплин, в том числе и политэкономии, в СССР в конце 1930-х годов был неизбежным результатом того политического курса, который проводился в течение всех послереволюционных лет и привел к тому, что за 20 лет страна потеряла почти всех квалифицированных экономистов-теоретиков.

Таким образом, почти за четверть века после Октябрьской революции лучшие традиции российской экономической науки, постепенно выкристаллизовавшиеся и накапливавшиеся в течение долгих десятилетий и в конечном счете позволившие ей в начале XX в. выйти на европейский уровень, были вырваны с корнем. Поистине катастрофическим оказалось и положение в системе экономического образования. Такова была цена реализации политического курса, направленного на идеологизацию политической экономии. В более мягкой форме этот курс проводился и в последующие советские десятилетия. Выход из этого системного кризиса возможен лишь в условиях, не допускающих возможности идеологического воздействия государства на экономическую науку и на систему преподавания экономической теории. Важно при этом ликвидировать образовавшийся и закрепившийся в советский период отрыв отечественной экономической мысли как от мировой, так и от дореволюционной российской экономической науки. Естественно, что это не отрицает необходимости тщательного изучения и использования лучших достижений советской экономической науки (работ Н. Д. Кондратьева, например).

Статья поступила в редакцию 21 января 2010 г.